

The background of the cover is a painting in a classical style. It depicts a city with several buildings, some with dark windows, and a prominent stone bridge with multiple arches spanning a river. The scene is rendered in a palette of earthy tones, including browns, greys, and muted greens. The lighting is soft, suggesting an overcast day. The overall mood is somber and historical.

АЛЛА АРЛЕТТ АНТОНЮК

**ФРАНЦУЗСКАЯ
КАРУСЕЛЬ
1998 ГОДА, ИЛИ
СЕМЬ
ВОПРОСОВ
К СУДЬБЕ**

ПОВЕСТЬ

Алла АНТОНЮК

**Французская карусель
1998 года, или Семь
вопросов к судьбе. Повесть**

«Издательские решения»

Антонюк А. А.

Французская карусель 1998 года, или Семь вопросов к судьбе.
Повесть / А. А. Антонюк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836067-1

Тайное стремление соединить свою жизнь с жизнью другого, желание тесно идентифицировать себя с другим человеком — так ли это важно, чтобы объяснить и свое предназначение. Автор остается верен себе и пытается осмыслить свою биографию, отыскивая в ней следы семейной мифологии. Жизнь духа таинственна, вечна и почти не поддается разгадыванию, не только после смерти, но и до рождения. Может, поэтому автор приводит свою героиню на встречу с медиумом. Что же удалось узнать ей из этой случайной встречи?

ISBN 978-5-44-836067-1

© Антонюк А. А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Таня	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Французская карусель 1998 года, или
Семь вопросов к судьбе
Повесть**

Алла Арлетт Антонюк

Я ощупью пробираюсь по лесу аллегорий в поисках самой себя...

© Алла Арлетт Антонюк, 2016

ISBN 978-5-4483-6067-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всем моим учителям посвящается...

Часть 1. Таня

*...Рукопись, так странно
мне от нее доставшаяся,
словно тень, которая для
того и предназначена
видно была, чтобы
вдохнуть мне в нее душу
и жизнь...*

Задолго до того, как родились мы с братом, мой отец был уже женат однажды, но лет до пяти я не имела об этом ни малейшего представления. Да и что я вообще могла об этом знать? Для меня это была пора невозмутимого и беспечного идиллического детства, когда свежее, как юное вино, существо не знает еще ни боли, ни ссадин. Нет... если честно, ссадин и порезов в купе со слезами (не очень горькими) к тому времени было уже предостаточно. Но вот боли – ее еще не было. Боль в эту пору не чувствовалась, не проявлялась еще своей коварной сущностью сидеть занозой в сердце и ныть ссадиной в груди. Вот в эту самую идиллическую пору и произошла у меня одна встреча.

Случилась она в подходящих для нее декорациях: стоял месяц май – весь в легкой дымке. Ажурное плетение распустившихся паутиной яблоневых цветов, марево сирени; и вереницей в небе целомудренно плывущие облака – почти театральные антураж накануне крупных метаморфоз в моей жизни. Главные фигуры в этой сцене: мама и мы с братом – разодетые, как рождественские ангелочки, и разукрашенные, как пасхальные яйца. Здесь, правда, нужно чуть замедлить шаг, потому что есть смысл сказать несколько слов о нашей матушке. Она тоже была уже раз замужем до того, как повстречала нашего отца. Но в этом первом браке у нее не было детей, отчего она неизбежно страдала. Она и осталась-то с моим отцом, по-видимому, только потому, что на свет должна была появиться я.

Самозабвение, с каким ожидала она своего первого долгожданного ребенка, все упоение мечты о нем и истерия счастья заставили ее забыть свою прежнюю любовь и прежнюю радость, которая со временем становилась все призрачней и отступала в тень. В конце концов, человек вправе забыть старую любовь ради новой, если она настоящая. Сразу же за мной появился мой брат – всего через год и шесть месяцев, жарким летним месяцем, в год с необыкновенно богатым урожаем помидор. В тот день она собрала с огорода около десятка ведер этих мифических *potmes d'or* (золотых яблок) – очень торопилась до родов..., а ближе к ночи отец увез ее в больницу...

Ревностное материнское чувство, действовавшее в унисон с трогательным материнским стремлением вырастить из нас вундеркиндов, все время толкало ее на то, чтобы совершать маленькие материнские подвиги. Стремительно несясь в хороводе зим и лет, мы пересаживались – будто из тыквы в карету – из детской коляски в зимние санки, из летней прогулочной – на велосипед... Пролетали годы... Стремительно приближаемся мы теперь к тому самому моменту, которое мы назвали «встреча».

1

*Откуда приходят к
нам эти звуки, магическая и
чувственная власть которых
погружает нас в атмосферу
божественного?*

– Здравствуй, Таня! – сказала наша матушка, остановивши нас как-то раз с братом, крепко державшихся за руки, перед высокой смуглой девочкой с длинной черной косой и темными паучками глаз. Девочку смутило немного то подобострастие, с каким эта женщина начала свою череду сладких, как патока, слов. Она так и сыпала сахарной пудрой, так и поливала сиропом, источая нектар своих речей, и молочные реки стекались с медвяными, и в этих ее речах не было видно уже кисельных берегов. Мы стояли, разинув рты, но нам ничего не попадало. В довершение всего, мать вынула из своей сумочки две шоколадные конфеты и с каким-то особым блаженством протянула их девочке. Та, с облегчением вздохнув, поправила берет, одернула свое строгое платьице, взяла конфеты, как-то очень серьезно, по-взрослому поблагодарила «тетю» и, лишь еще раз украдкой взглянув на нас, облегченно зашагала дальше, оглянувшись все же издали на удаляющуюся процессию – двух разодетых детей: с белыми, как пух, волосами у мальчика, со светлыми и тонкими косичками в аккуратных бантиках на голове девочки, тщательно заплетенными по случаю праздника, – и их высокую мамашу: в платье и с прической.

Сама по себе эта встреча не имела тогда еще для меня особого значения. Но уже тогда меня поразила какая-то новая для меня красота девочки, ее спокойные невозмутимые глаза взрослой, ее через чур уж длинная и черная коса (тогда я еще не могла подозревать, как чудовищно походила она на своего отца). С той поры Танин призрак и ее мимолетные тени стали роem преследовать меня. В небольшом нашем городке, как на маленькой театральной сцене, было несложно столкнуться с ней где-нибудь, как в какой-нибудь городской пантомиме. Вы не заметили, мой читатель, что было в руках у девочки при нашей встрече? Если бы я была более предусмотрительной в моих описаниях а вы более внимательны, вы бы заметили тут же, что это была музыкальная папка для нот. Она шла из музыкальной школы с репетиции по фортепиано, где она готовилась к своему академическому концерту – был месяц май, и был конец учебного года...

Точно такая же черепаховая папка, оклеенная упругим коричневым дерматином, с точно такими же магическими оттисками в виде музыкальной лиры вскоре появилась и у меня – после того, как моя мать, преследуемая ревнивыми чувствами, привела меня как-то в начале следующего года на мой первый в жизни экзамен по музыке – видимо, еще и из соблазна сделать из меня музыканта. А может, известную певицу... С этих самых пор образ Тани стал неотребимо витать над моей головой: то паря легкой вуалью в материнских рассказах о девочке-отличнице, «у которой даже „четверок“, и то не бывает», то взлетая клубьями эпопей о ее необыкновенных музыкальных способностях. Вместе с бантами мать старательно вплетала в мою косу не перестававшую тревожить меня паутинку тайного интереса к чудной девочке

с русалочьими косами, каким-то таинственным образом вплетая ее тайну в мою судьбу. Вскоре эта тайна – сначала как бы нехотя, – но все же начала мне приоткрываться.

Вскоре ключевое слово было произнесено. Впервые оно было сказано моей учительницей по фортепиано. Та неожиданно задала мне как-то этот вопрос, когда я, закончив свой урок и собрав ноты, столкнулась с Таней, выходя из класса, а она в этот же самый момент входила в тот же самый класс тоже на свой урок по фортепиано. И тот, кто таинственно отвечал за этот сценарий, старательно предусмотрел все, даже то, что мы занимались в классе у одного преподавателя. Смутно понимая (как-то совершенно по-своему) вопрос моей учительницы, я не осознавала на самом деле тот факт, что мы с Таней носили одну и ту же фамилию. Я и предположить тогда не могла, что мое искреннее вранье в ответ, было в действительности самой настоящей правдой. Мне так хотелось тогда, чтобы Таня имела ко мне хоть какое-нибудь отношение. Она, так же как и в первый день нашей встречи, покоряла меня своим каким-то упорным тихим достоинством, с каким она, молчаливо пуча свои губки, становилась для меня обладательницей своей тайны, тихо неся ее в себе.

...Временами она была совсем неузнаваема – совершенная щебетунья. Она вполне могла, остановив меня случайно, серьезно заговорить о чем-нибудь пустячном – она как-то быстро и красиво так говорила, оставляя лишь где-то в уголках своих губ тайную гримаску. Это меня сильно раздражало и провоцировало во мне непонятное шевеление. Но не мыслей... В то время, когда ключ к моей загадке почти был найден – мне его почти дали в руки, (а ключом к этой тайне было всего лишь одно *слово*) – до меня совершенно не доходило, как пользоваться и как открывать этим ключом.

Я была тем, совсем еще юным вином, которому долго было еще храниться в ризнице до того, как по-настоящему выстояться к первому причастию. Все было для меня младенческим сном, все спало в этом *Замке Спящей красавицы*: и *ум* – воин-солдат, стоявший по стойке смирно на вратах королевства; и *мысли*-поварята, только-только собравшиеся зажарить на вертеле толстого поросенка, да тут сон и свалил их; и няньки-мамки-затеи, только склонившиеся над принцессой, да так и застывшие надолго в поклоне. И *мозг*-король, и *сознание*-королева – все утонуло в этом сонном *Королевстве любомудрия*. Не шевелился ни один из воинов – ни *замыслы*, ни *идеи*, ни *намекы*, ни *аллюзии*, даже самые тонкие. Одни лишь чувства очень тихо-тихо просыпались во мне.

Утро. Сырое, но теплое. Я иду тропинкой вдоль берега, мимо огородов, вытянувшихся по пригорку над рекой. Непросохшая глина липнет к подошвам. Берег все выше и выше поднимается над рекой и вдруг становится совсем крутым. С видом гнезда, прилепившегося к этому высокому склону, чернеет на пригорке здание, которое своими снесенными башенками скорее напоминает мне – в обломках мачт и рей – остов потерпевшего бедствие корабля, в причудливых выступах которого, однако, угадывалось нечто необычайное, – чем оно могло бы быть в действительности. Здесь пахло гарью и печеным хлебом. Здесь угадывалась в чреве горы не то пещера, не то погребальный грот, и заваленные камнем входы увенчивались арками. Место странное и несуразное; и таинственное, ходы которого были обследованы мной вместе с местными мальчишками уже давно. Там было как в собственном гробу – царил непроглядная ночь, стояла тишина, и воздух дышал йодистой прохладой.

Я перехожу дорогу и иду мимо высокой садовой скульптуры, которая, как всегда, заговорила улыбаясь, встречает меня благословенным жестом на ступеньках лестницы – учитель, раскрывший книгу перед учеником. Я каждый раз вдохновенно смотрю на нее снизу вверх. Потом продолжаю путь вдоль чугунной решетки сада музыкальной школы, обходя все витиеватые выступы в строении особняка, обнесенного кованой изгородью. Я разматываю, перебирая взглядом ее узор, – ожерелье из размноженных колец со вписанными в них музыкальными ключами. Вдруг узнаю траву на обочине асфальтовой дорожки и туфлей стараюсь сбить с нее

обильную росу. В моем сегодняшнем ночном сне, таком волнительном и дразнящем, эта трава была не такая влажная, а наоборот, облита солнцем, и в ней... россыпями блестящих... монеты самых различных достоинств. Я чувствую вдруг перед ними необъяснимый трепет и тайное ликование – надо быстро-быстро собрать в мураве весь этот клад. Но ощущение приближения счастья, как это и бывает во сне, сменяется вдруг изумлением, ошеломлением и тоскливым разочарованием. «Фу! Эти до омерзения квадратные цифры на монетах – они исторгают даты „до“ моего рождения». Какой грустный сон! Эти старые монеты неожиданно обращают свалившееся мне богатство в пустопорожность и эфемерность. Разжимаю кисть, и монеты, вот уже столетие как вышедшие из употребления, золоченым дождичком вновь падают в зеленую траву. Глядь! А в траве уже и нет ничего. В траве пусто и сыро. Я туплей пытаюсь сбить тяжелые капли травяного снадобья.

Иду дальше двориком: мимо старинного окна, из которого несмело доносятся звуки скрипки; мимо фонтана, дно которого давно подернулось тоненьким мшистым ковриком, и наконец, упираюсь в двойную толстую кожаную дверь под портиком, упрямая пружина и массивная, с набалдашником, деревянная ручка которой, словно стоворились меня не впускать. Предпринимаю двойную попытку открыть дверь и сеньями прохожу по скрипучим половицам через небольшой светлый коридорчик, – там еще одна дверь, уже более милостивая. Что-то уж слишком тихо в вестибюле... Никого... Ну, конечно, опять опоздала. Смотрю на настенные часы. Не прерываясь в своем ходе, они мирно шагают, великаны в деревянном корпусе с позолоченными римскими цифрами и маятником-сердечком, только-только исполнившие свою рапсодию времени.

Сию минуту из актового зала послышались голоса распевающегося хора. Я делаю вид, будто никуда не спешу. В углу, под часами, высокой балюстрадой отгорожена раздевалка. Вешаю свою курточку под пристальными взглядами технички, которая возится с дровами у большой голландской печки, подметая щепной мусор и пытаюсь разжечь огонь. Во избежание укоров и порицаний за опоздание, я незаметно отправляюсь в другую сторону – в странствие по этому темному полусонному дому с высокими лепными потолками, позолоченными карнизами и остатками фресок на потолках, с которых свешивались люстры, тускло освещавшие темные комнаты и коридоры.

Для меня необычайным всегда было это путешествие по огромным темным залам и глухим закоулкам музыкальной школы, которая помещалась в старинном особняке, принадлежавшем когда-то дядюшке знаменитого композитора Петра Чайковского – брату его отца, но маленький Чайковский когда-то жил здесь, приезжая на каникулах к родственникам и играл здесь свои первые детские опусы.

В тусклой освещенности особняка чувствовалось далеко не бесцветное и не банальное его существование, для меня почти на грани земли и неба, дня и ночи, с сильной окраской того, что мы называем неземным. Здание было совершенно удивительным миром, необычайной вселенной: с академическими залами, классами, из которых доносились хроматические гаммы, септаккорды, этюды, полифонии. В таинственных коридорах вместе с голосами преподавателей: *Allegro! Forte! Moderato!* – они сливались в бурную завораживающую какофонию, из которой потом вдруг выплывала чудеснейшая мелодия. Откуда приходят к нам звуки, магическая и чувственная власть которых погружает нас в атмосферу божественного? Не служат ли они нам элементами, сообщающими нас с небесами, с богами? Ведь кажется, некоторыми чудными мелодиями можно было бы спровоцировать транс.

Есть впрочем, слово, точно позволяющее определить их чувственную и спиритическую власть – *экстаз*.

2

*Откуда приходят эти
ароматы, которые так
чаруют и околдовывают?*

Все пространство особняка занимали музыкальные инструменты. Они были повсюду: роскошные концертные рояли в залах, старинные фортепиано в классах, иногда вмещавшиеся сразу по два в ряд: и внизу под лестницей, ведущей в мезонин, и наверху, на лестничной площадке – везде было скопление этих удивительно добрых и старых существ. Над ними нависали портреты композиторов – титанов и исполинов с колоссальными бородами, которые смотрели на худеньких учениц глазами столпов. К тому времени, уже не в одной книжке я видела изображения героев с музыкальными инструментами в руках, которые так отличали их от всех других смертных: их голоса казались всегда сильнее других, их таинственная способность извлекать звуки позволяла угадывать в них принадлежность чуть ли не к самим богам. Какое чудо и волшебство, какое пиршество души было открывать тяжелые крышки инструментов и прикасаться к их звучным клавишам.

Тут нужно сказать, правда, что на самом деле в этом возрасте вся музыкальная «алгебра и геометрия» были мне недоступны. Все, что в музыке нужно было постичь умом, еще спало во мне. Но сердцем мне многое дано было почувствовать. Из-за всех мучительных сложностей музыкального разбора пьес, из-за изнурительного чтения неподатливых нот и аккордов, терзающих маленький ум, я бросала иногда ноты и сочиняла сама себе музыку, пытаюсь выразить свое чувство красоты и гармонии, как я его понимала. Я садилась за клавиши, и в окружающее пространство обрушивались такие звучные водопады терций и аккордов, такие шумные переливы трезвучий! Потом посреди шквала обрушивавшихся нот, пелена дождя звучания на мгновение спадала, изображая, видимо, мимолётное затишье в природе, и тут же снова октавы лавиной скатывались в пропасть басов, струились трелями восьмушек и шестнадцатых ручейки, разливаясь паводком головокружительной какофонии. Пианистка – уже в настоящем исступлении – заканчивала триумфальным завершающим аккордом свой невообразимый опус, захлопывала причудливый манускрипт и крышку фортепиано и кланялась безымянному зрителю...

И тут она услышала вдруг за своей спиной хрупкие удары в ладоши, сумрачно напоминавшие рукоплескания. Оглянувшись, она и увидела в самом дальнем в углу зала – сидящую на стуле у самой двери – Таню, которая со смешинками в уголках губ, бурно изображала аплодисменты.

– Bravo! Ну, и какой композитор все это сочинил? – Лопались от ехидства её слова.

Я, со своим спящим царством в голове, не могла еще слышать всей карикатурности своей игры. В глубине меня, множеством своих труб звучал совершенный орган, словно огромный храм. И благодаря интерференции – игре звуковых волн в нем – те трубы, что были видны зрителю, были лишь малой частью тех, что населяли меня изнутри. В глубине моего храма я слышала доносившийся с нефов, хоров и амвона чудный гимн радости – с переливами веселья и звоном самозабвения. Но трагедия органиста в том и состоит, что он не имеет возможности реально слышать, как звучит его орган в зале, имея лишь превратные представления о его звучании. Для меня тогда, кажется, каждая нота горела, а со стороны это выглядело телячьими восторгам, вдохновенным мурлыканьем и ошеломляющим треньканьем...

– Это Григ. Не слышала? – Немножко грубо и безапелляционно отрезала я, в доказательство показав ей нотную обложку.

– Ну-ка, покажи, покажи, что ты играла? – Не отставала от меня Таня, дразня и словно вызывая меня на поединок.

Она уже подходила к роялю. В это время я открыла наугад страницу, а она, усевшись за рояль, принялась играть партитуру, прыская со смеху.

Почему искусство так непримиримо? Почему так тяжело и больно на душе, когда тебя уличают в том, что ты вовсе не принадлежишь к *тем богоизбранным*? Я стала отбирать у нее ноты, а она, хохоча, препятствуя мне из всех сил, продолжала играть одной рукой. На потеху, она, кривлялась, и трясла нотными листами перед самым моим носом. Мы чуть не сцепились.

– Я опоздаю на урок, – взмолилась я, забирая у нее свои ноты и наспех засовывая их в точно такую же, как у нее, нотную папку.

Зал имел целых три выхода. Я ткнулась в одну дверь – та была заперта. Мне хотелось заплакать от обиды, пустить слезу, завсхлипывать от нанесенных Таней уколов и шпилек. Я решительно пошла за сцену и, толкнув дверь, что находилась там, в глубине, вдруг неожиданно для себя распахнула ее и очутилась в маленькой каморке. Там было глухо и темно, словно в склепе. Тихие рыдания дробились и застревали где-то поперек горла. Но плакала я уже не от обиды, а от предчувствия той смутной боли, которую что-то всегда неожиданно провоцировало (может быть, темнота?), той боли, которая и на этот раз уже коварно начинала лизать мне грудь языком своего медленного пламени. Но слезы не появлялись. Бессознательно отгораживаясь от этой боли, я стяхнула рукавом две слезинки, нависшие на ресницах, и стала нащупывать дверь в темноте.

Словно в темной церкви, наверху брезжили тоненькие, как игольное ушко, просветы. Свет, лившийся откуда-то сверху, был похож на пробивающийся лучик в темном храме. С какой-то злостью я, царственная пленница, толкнула дверь, и мне показалось, что я грянулась с высоты. Вторая наружная дверь так неожиданно распахнулась, что сноп дневного света, вероломно ворвавшийся вдруг, охватил все и вся, ослепив меня своим сиянием. Не сразу поняла я, что очутилась прямо на улице. Это был один из черных выходов, дверь которого вела прямо в сад. Кругом царил путаница кустов акации, наполовину уже облетевших. Клены с выцветшими волокнами листы и кривизной своих стволов дополняли ералаш. Вся земля была завалена сумасбродными сучками, закрученными вокруг черенков листьями, сухими свистульками акаций и крылышками кленовых вертолетиков. В этой же сумятице толклись несколько шишек, видимо, упавших с крыши. Весь навес был в этих шишках, так как неподалеку, словно два кедра на Елеонской горе, росли две тучные сосны. В довершение каких-то загадочных отношений ветра, которые он затеял там, в разросшейся кровле сосны, хрустнув и отскочив от крыши, словно теннисный мячик, тихо, медленно и шурша потекла с крыши в тишину сначала одна шишка, ударяясь о землю, ленивым и тихим, как шепот, шлепком. Легче капли дождя шлепнулась затем вторая – пинг, третья – понг, легко и по-игрушечному, заставив меня запрокинуть голову в дремучие ветви и закружив от этой безумной капли. Ветер – дыхание деревьев, так и принимал холодом. На самом деле, томительно было стоять под ветром у этой странно распахнувшейся двери: «Ну вот! Пропустила занятие по хору, – подумала я. Наверное, еще и на урок по фортепиано опять опоздала». И чтобы не встречаться больше с обидчицей и вернуть в нормальное положение стрелку часов, которая сегодня, непонятно почему вдруг, взбесилась, – решила вернуться садом от этого черного выхода к парадной двери, обогнув часть особняка. Я перепрыгнула клумбу с нагло-яркими поздними цветами и вышла в аллею. Дворники, только что игравшие в прятки неподалеку от меня в кустах, разожгли в отдаленном уголке сада моей души костерок, запалив несколько сухих сучьев, коряг, мелких иссыхающих веточек, мгновенно вспыхнувших, и над моим садом закурился фимиам, сладкий запах смол

и соков которого, бродивших некогда в цветущих этих кустарниках, слился теперь с горечью дыма.

– «Интересно, успею я еще на урок или нет?» – эта беспокойная мысль свербила меня, запутываясь где-то в солнечном сплетении, мешая насладиться запахом тайны и чуда, которые всегда подспудно связаны с ароматами. Откуда приходят к нам эти запахи, которые так чаруют и околдовывают? Необходимость в них, наверное, идет из самой глубины человеческой природы, выступая выражением чувственности... Ну наконец, вот она снова – парадная дверь. Я не успела открыть ее, как... говор, гомон, гвалт перемены, стук и скрежет лестницы, ведущей в мезонин, тут же полностью отвлекли и поглотили меня в свою стихию. Отклонившаяся на время ось снова встала на свое место.

Когда прозвенел звонок, я вошла в свой класс по фортепиано. У окна за столиком сидела старая сгорбленная старуха. Всегда в одной и той же толстой кофте, никогда не снимавшая своего теплого берета, она, казалось, всегда дремала. В ответ она поздоровалась со мной своим скрипучим, но удивительно молодым голосом, встала, шаркая, направилась к зеркалу, у которого начала поправлять свой берет. Интересно, что она видела там, в отражении, эта вечная Дина Иосифовна? Темное зеркало отбрасывало изображение сморщенной, словно картофельный клубень, дряхлой старухи в длинной кофте, скрывавшей ее всю – никто точно не мог бы сказать, сколько ей лет. Она была так же стара, как и это здание, как этот город, которому так привычна была ее сгорбленная фигура и драгоценный костыль в руке. Длинными пальцами, такими же скрюченными, как и она сама, она держала сейчас в руках свой смешной ридикюль.

Мне казалось иногда, во время урока, что находясь рядом со мной, она дремлет. На самом деле, она слышала все. Осуществляя благословенный свой диктат, она больно била по рукам, заставляя почувствовать, как мертвы, сонны и ленивы были твои пальцы, как их кончики были глухи и нечувствительны к фальши.

С улицы потянуло сладким дуновением, словно фимиам закурился в кадильнице, чтобы погрузить в забвение своими хмельными испарениями. Наверно, какие-нибудь самые первые в мире духи своим происхождением были обязаны богам и именно им они первоначально и предназначались. Какой-нибудь смертный, обращая свои ходатайства к богу и надеясь его подкупить, совершал, этот культовый обряд, поджигая сухие корни, листья и кору деревьев, которые потом испаряли на огне свои пьянящие запахи. Такой запах (ладана или мирры) мог бы, наверно, спровоцировать состояние транса...

Я украдкой бросала выразительные взгляды на Дину Иосифовну, походившую сейчас на Пиковую даму, которая, начав читать, задремала над первой же страницей романа. Но даже полусонная, она властвовала здесь, в этой комнате, не давая ни на секунду расслабиться. На этот раз, я, кажется, играла довольно сносно. Ее глаза почти не размыкались.

Здесь, в классе, было одно тайное место. Вот бы сейчас она вышла ненадолго из класса, можно было бы наверно туда заглянуть. Этим тайным местом была крашенная тумбочка с тугой дверцей. Ей, Дине Иосифовне, благосклонные родители почему-то считали нужным каждый раз на праздники дарить ни что иное, как духи, которыми она вовсе не пользовалась (неужели об этом никто никогда не догадывался?), а прятала и хранила их в тумбочке, на которой висел маленький замочек. Но она не закрывала замок на ключ, и все, кто ходил к ней в класс, знали, что в тумбочку можно было совершенно свободно проникнуть. В первый раз, когда я подверглась этому соблазну, то была совершенно поражена зрелищем, открывшимся вдруг моему взору: как самые красивые сокровища какой-нибудь священной коллекции, из глубины полки на меня глядели две дюжины самых причудливых коробочек: с бархатной и шелковой драпировкой внутри, украшенные золотой и серебряной тесьмой, бахромой и позументами. Налитые драгоценной эссенцией, словно культовые предметы, возлежали эти флаконы и маленькие флакончики, укупоривавшиеся хрустальной пробкой, ограненной в мою мечту: в форме слитков, комет, цветов и птиц, принимая форму моих желаний. Невозможно было удержаться

и не вкусить волшебной амбры вдохновенного парфюмера. И только страх быть застигнутой врасплох отрывал меня от этого опасного занятия и долго потом заставлял жить обонятельное воображение. С некоторых пор эта тайна, словно тайна Пиковой дамы, сообщала меня с небесами и определяла чуть ли не всю свою спиритическую власть надо мной.

3

*Что заставляет нас
высвободить из темницы
предмет нашего обожания?*

Академический концерт в конце учебного года был настоящим испытанием. Как только называли мою фамилию, и в напряженной тишине, порожденной множеством затаенных дыханий, я должна была выходить на сцену, ноги совершенно подкашивались и еле несли, а сердце начинало неистово биться. Руки, как назло, делались влажными от пота и соскальзывали с клавиш. На самом деле, голова давно уже высчитала, сколько времени примерно придется терпеть этот ни с чем не сравнимый страх – минут пять-семь, не больше. И уже знаешь, что через семь минут все кончится, но бороться со страхом было бесполезно. Его можно было победить, если только с ним совсем не бороться. Время вдруг принимало ускорение, и от страшного волнения все три произведения, скороговоркой проигранные, неожиданно для себя самой вдруг заканчивались. И тут же все страхи куда-то исчезали. И когда по окончании экзамена всех учениц отпускали, и все до единой стремительно выбегали из зала, тут-то вдруг, даже самые чинные и прилежные, выпускали из себя чертиков. Пока преподаватели спорили, закрывшись в актовом зале и обсуждая оценки, школа полностью принадлежала маленьким бестиям. В этой безумной атмосфере разнузданной веселости, объявшей вдруг всех, больше всего страдали музыкальные инструменты. По ним били, словно по барабанам, клавиши жалобно взвизгивали или ревели басами, а чертенята, взобравшись на крышки пианино, ну скакать, ну вытанцовывать канкан, – и колени уже не дрожали. Все словно мстили за свои испытанные страхи и волнения. Отколовив себе руки, кубарем скатывались затем по деревянной лестнице вниз на первый этаж, там выбегали во дворик, и уже у фонтана дрожь и сердцебиение пропадали окончательно. Играя в прятки и догонялки, веселые, резвые, кружились в своих белых торжественных фартучках. И это дионисийское согласие, царившее у фонтана посреди уютного дворика, сопоставимо было разве что со стройным согласием хора, исполняемого нами во время репетиций.

В одной из таких головокружительных игр, чтобы получше схорониться, я забралась в кусты цветущей жимолости – всегда в этой игре хочется спрятаться так, чтобы тебя не могли найти – и вдруг очутилась неожиданным образом лицом к лицу с распахнутым передо мной окном, располагавшимся низко, почти у самой земли. От неожиданности, – это было окно моего родного класса по фортепиано, – и от неизвестности, что там внутри, – я остановилась как вкопанная. С интересом заглянула внутрь – до того все было таинственно: в классе решительно не было никого, да и кто мог бы быть там, когда с занятиями было покончено, и все преподаватели, в том числе и Дина Иосифовна, находились в другом крыле школы, закрытые за толстой кожаной дверью, решая участь воспитанниц.

Не долго думая, я влезла в распахнутое окно, совсем еще не понимая зачем. Совершенно безотчетно руки сами открыли заветную тумбочку. Приоткрыв створку, снова залюбовалась заветными флакончиками: кораллового, зеленого, голубого цветов. Я смотрела не отрываясь с обожанием и страхом на огромные богатства, хранителем которых провидение назначило

Дину Иосифовну, и темные леса моих желаний вдруг приоткрылись – случай, о котором можно было только мечтать и по поводу которого открыть теперь пробку флакона, чтобы упиться его густым и волнительным запахом, отдающим не то ванилью, не то ирисом и миндалем, – такой странный и прекрасный аккорд, имевший бесконечно пленяющую душу. Что заставляет нас высвободить из темницы предмет твоего обожания? Нет ничего страшнее забвения. Чтобы красота в предмете не иссякла, нужна теплота взгляда и тепло рук, которые будут ощупывать, лелеять, ласкать и баюкать. А вот этот флакон (я давно уже положила на него глаз) – он был так похож на тыкву Золушки и обещал головокружительное путешествие в чудесный мир, в сшитую из свежих цветов романтическую историю. Страстное, истеричное желание обладать – несмотря ни на что, во что бы то ни стало – с ним ничего невозможно было поделать, с ним невозможно было бороться, и как устоять, ведь решительно никого нет в классе! Ни души! Вкусная запретный плод, нельзя избежать чувства вины и страха. То и другое, однако, бывают как вдохновение и творчество, и способствуют нашему нравственному развитию, которое, в свою очередь, делает наши души только еще тоньше и деликатнее. И хотя страх уже начинал вдруг шевелиться где-то внутри, я, убедившись, что никто не подглядывает, ухватила маленькую коробочку, спрятав ее в руке, хотела было уже вылезти через окно обратно на улицу, но передумала, – наверное, там меня уже давно искали, играя в прятки. Я приоткрыла дверь и, убедившись, что в коридорах никого нет, поднялась по лестнице в мезонин и с вождением скупца перепрятала сокровище в свою нотную папку.

4

*Эта боль..., каков был ее смысл
в моей жизни? что она
пыталась мне сказать и чего
хотела добиться от меня?*

Домой возвращаться можно было двумя дорогами. Стоишь, распятая перекрестком, и если идти через Рыночную площадь, где каждой весной и осенью проходили ярмарки, а летом останавливался передвижной зоопарк, затем по Большой улице через Каменный мост до перекрестка и направо – в нашу Павловскую улицу с ее несколькими особнячками в духе горнозаводской эпохи XIX века, – то было бы довольно не близко. Но можно сократить путь – мимо бывшей церкви (по правде сказать, у меня вот только сейчас, когда я пишу эти строки, вылетело вдруг – и это не причуда повествования, – что, должно быть, под этим самым куполом, под которым раньше пыхтел хлебозавод, раньше когда-то находилась церковь...). Но в те времена, когда я каждый день проходила мимо этого странного закопченного здания, направляясь в музыкальную школу или из нее, я не могла об этом даже догадываться.

Свернув в проулок, мимо городской бани, которая стояла тут же – рядом с хлебозаводом на берегу речки, можно было выйти на скрученную вдоль берега жгутом тропинку и через деревянный мост, задами, сократив путь, выйти к нашему дому. Задами – значит, без всякой дороги, вдоль пустынных заборов. Но таким образом выйти к дому можно было бы вдвое быстрее. Все эти ходы и тропинки, глухие переулки и темные закоулки были известны мне, как пять моих пальцев. Они чудовищно манили, заставляя испытывать болезненное любопытство, которым отличалась я с детства. Там-то и начинались всякие приключения, встречи и неожиданности. Все смрадное и страшное тоже пряталось где-то там, в этих закоулочках. Там грязь, там помои, там пинки и оплеухи, весь срам и все родимые пятна. Но там же и тайна, какая-то

жгучая тайна скрывалась под этими заборами и в этих подворотнях. В «нравственных» этих переулочках кипела своя какая-то тайная жизнь.

Там можно было встретить Ее.

И однажды я Ее увидела. Она лежала под забором, в своей вечной юбке, в расстегнутой на груди кофте и выставленном напоказ белье, подвязанная шерстяным платком, совсем уже старая, с желтым одутловатым лицом в морщинах и широкими скулами. И безобразно были раскинуты ее открытые ноги в шерстяных чулках и башмаках. Она была вся в синяках и бездыханно лежала прямо в крапиве у чужого забора, исполненная такого презрения ко всему. Смешанное чувство стыда и позора, жалости и страха заставляли прилить мою кровь к щекам. Я уже видела однажды, как она, такая же пьяная, избитая, на своем огороде прикладывала травы к своим синякам, делая примочки на места побоев, и эта сцена навсегда вонзилась мне в сердце своей откровенной безобразностью, какой-то противоестественностью и оставила массу вопросов, не перестававших свербить мой мозг. И так же как в прошлый раз, сейчас опять мучительная тошнота подступила к горлу, сделалось больно в груди и почему-то хотелось плакать.

Когда впервые появилась эта удушающая теснота в груди, воспаляющая и делающая такими чувствительными мои легкие, самое скрытое, самое одухотворенное пространство моей груди? Я думаю, с того самого дня, когда увидев в фильме одного мальчика и пролезая вместе с ним сквозь узкий, длинный и душный земляной коридор пещеры, чтобы отворить камнем заложенный в нее вход, я пережила вместе с ним жуткое ощущение могилы, и сама при этом натурально пережила асфиксию, томительное удушье от стиснувших меня со всех сторон тесноты и мрака. Изо дня в день ходила я смотреть этот фильм, видимо только ради того, чтобы еще раз пережить это состояние; и это был единственно волновавший меня эпизод. С тех пор боль являла себя каждый раз, когда хоть что-нибудь вдруг напоминало мне об этих теснящих *душу и пространство*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.